

Все реки текут...

Волга, как известно, впадает в Каспийское море, Енисей — в Карское, Нижняя Тунгуска — в Енисей, а Ерачимо — в Нижнюю Тунгуску.

Именно там, в устье Ерачимо, чуть ниже Большого Порога, расположена метеостанция. В конце восьмидесятых там жили двенадцать человек — работники станции и их дети. Начальником у них был тридцатилетний новосибирец Витька Орехов. Невысокий, крепкий, подвижный, деятельный. Он жил с женой и двумя детьми в самом большом строении посёлка. Среди жителей станции в Большом Пороге были две девушки, тоже из Новосибирска. Это не совпадение. Именно в Новосибирске находится учебное заведение, где готовят специалистов для метеослужбы. Выпускников распределяли по всей стране. Таким образом двадцатилетние девчонки оказались на Севере.

Распределение, конечно, выгодное: зарплата приличная, и льготы при получении квартиры есть. Одна из девушек выделялась. Была она ярко-рыжей, кожа белая-белая, сама вся стройненькая, глаза большие. По всей округе, а это километров двести в одну сторону да двести в другую, знали о рыжеволосой красавице. Рыбаки и охотники старались остановиться на ночёвку в Большом Пороге только для того, чтобы посмотреть на Таню, так её звали.

Впрочем, Таня была девушкой серьёзной, поводов никаких не давала, поэтому рыбаки и охотники (как правило, взрослые и семейные) при прощании обычно говорили примерно одну и ту же фразу: «Танечка, если кто, не дай Бог, обидит — сразу же говори мне...» При этом незадачливый поклонник уезжал невесть куда.

Знал про Таню и даже два раза её видел и Александр — двадцатисемилетний крановщик из рабочего посёлка, что в ста тридцати километрах от Большого Порога. Нужно ли говорить, что Александр влюбился в Татьяну с первого взгляда. Саша был тоже рыжим, но не ярко, как его тайная возлюбленная, — цвет его волос был ближе к каштановому, такой тёмно-тёмно-рыжий. Парень он был видный: высокий, широкоплечий, при этом очень добрый и застенчивый. Именно этим и объяснялся тот факт, что Саша в то время не был ни разу женат, хотя некоторые его ровесники уже имели по второму браку.

Я в ту пору работал рулевым-мотористом на небольшом теплоходике, в простонародье называемом «колхозница», — водомётное судно, предназначенное для работы на мелководье, но мало приспособленное для работы во время шторма. А в низовьях Енисея бывают такие шторма, что только держись. И да, бывало, попадали мы в переделки. Попадали... Но не о штормах сейчас речь.

Команда наша состояла из четырёх человек, плюс сын капитана Женька — мой друг. У Женьки был отпуск, и он вместе с отцом решил отправиться «на северá», порыбачить. Женька и его отец, дядя Валера, были очень похожи: здоровые, громкоголосые, жизнерадостные.

Шли мы из Ногинска в Туруханск за грузом. В Большом Пороге планировали остановку на сутки: отдохнуть, в бане попариться да рыбу половить. А Сашу с Женькой оставить там, благо жить есть где: несколько домиков (по-местному — балкóв) на станции пустовало. Их начальник метеостанции Орехов использовал в качестве гостевых. Саша же, когда узнал, что мы будем останавливаться на метеостанции, взял на работе несколько дней отгулов и напросился с нами.

Капитан с Витькой были приятелями, поэтому встретили нас хорошо. Саша, естественно, старался находиться как можно больше на глазах у Тани, и сети, было видно, он поехал ставить без энтузиазма — не хотел отходить от неё ни на минуту. Мне тогда показалось, что и Таня, в общем-то, к Саше равнодушна. А что? Красивый, рыжий, не грубиян, как некоторые.

Вернулись с сетей, потом баня, застолье. Витька шикарный стол соорудил: сохатинка, оленинка, рыбка всякая — таймень, хариус, ленок, чир. И жареная, и солёная.

Немного выпили. Первой к себе ушла Таня, потом мы с Женькой. Я решил заночевать в балкэ. Когда неделями живёшь в каюте теплохода, то ночёвку на берегу ценишь особо. Впрочем, сухопутным этого не понять. Когда уходили, Саша спросил, в каком домике мы будем. Женька махнул рукой куда-то в сторону:

— Тот, что ближе к Енисею.

И мы ушли.

Для нас, рождённых и выросших на берегах Енисея, других рек как бы не существует. Все реки мира для нас — Енисей. Уже не как имя собственное, а как нарицательное. Енисей — значит, река. Или наоборот: река — значит, Енисей. Однажды на берегу Волги я спросил у одного расхваставшегося пловца: «А в этом месте ты Енисей сможешь переплыть?» Или в Новосибирске объяснял кому-то: «Как мост через Енисей проедешь, так сразу поворачивай направо».

Саша в тот вечер от дома Витьки Орехова пошёл по направлению к Нижней Тунгуске. Там стояло три домика: один — ближе к берегу, два других — ближе к лесу и правее. Саша сориентировался, где находится Енисей, и решительно зашагал к домику, что был справа.

Хоть в июне на Севере тёмной ночи не бывает, но какое-то подобие полусумерек на короткое время всё-таки опускается на землю. Зайдя в дом, Саша не сразу разглядел, где что находится. Единственное — удивился: чистота и уют, совсем непривычные для рыбацких избушек.

— Мужики, вы уже спите? — вполголоса спросил он.

Из-за перегородки неожиданно для него раздался голос Тани:

— Александр, какие мужики? Неужели вы не могли придумать ничего оригинальнее?

Саша мгновенно pokrылся испариной и тут же похолодел.

«Мать честная! Женька по ошибке Тунгуску Енисеем назвал, и я не в тот дом зашёл».

Он попытался это объяснить Тане.

— Саша, это не смешно. Говорите, что вы хотели мне сказать, и уходите.

Ах, эти женщины! Ведь давно известно, что если женщина говорит вам что-то даже очень убедительное, то не

всегда это нужно понимать буквально. Порой следует понимать с точностью до наоборот. Вот и Таня говорила: «Уходите», — но Александр ясно и отчётливо услышал: «Говорите, что вы хотели мне сказать, но не уходите».

Александр, несмотря на свою неопытность, всё же понял, а может быть, ему подсказали сверху, что сейчас происходит нечто судьбоносное в его жизни. И если он даст волю своей застенчивости, то не быть ему с Таней никогда.

В общем, Саша начал говорить. Говорил он долго, а когда замолчал, то Таня действительно сказала ему:

— Александр, не уходите.

...Рано утром мы Женькой собрались проверить сети. Вышли из балка и первое, что увидели, — Сашу и Таню, сидевших на огромном валуне близко от берега. Было пасмурно, но без дождя. Суровая природа, низкое небо, свинцовая Тунгуска, камни, сосны и эти двое: Саша и Таня. В лёгком недоумении Женька спросил:

— Саня, ты на сети поедешь?

Саша, повернувшись, долго и мечтательно смотрел куда-то вдаль и после долгой-долгой паузы сказал единственное:

— Нет.

Мы с Женькой были обескуражены. Раз Саша не пришёл ночевать, то, значит, ночь провёл с Таней...

Естественно, у нас возник спор: было у них что-нибудь или не было? Женька горячо утверждал, что было, говорил: «Рупь за сто». Я же, напротив, говорил, что не было. А как узнаешь? Не спросишь же.

Когда через четыре дня мы вернулись из Туруханска, Саша наотрез отказался ехать в Ногинск. Жил он у Тани, и более того — передал с нами заявление об увольнении, сказав, что женится на Татьяне и они уезжают в Новосибирск.

Так и случилось.

Я работал на Нижней Тунгуске ещё три навигации. Однажды поинтересовались у Витьки, не знает ли что про Сашу и Таню. Оказалось, знает. Живут в Новосибирске. Дочка у них родилась. Естественно, рыженькая.